

К ЧИТАТЕЛЮ

Библиографическая ссылка:

Василюк, Ф.Е. К читателю [Текст] / Ф.Е. Василюк, А.К. Толмасова, В.Н. Цапкин // Московск. психотерап. журнал. – 1992. – № 1. – С. 5-13.

К ЧИТАТЕЛЮ

Когда на уютной московской кухне задумывался этот журнал, перебирались разные названия — «Психотерапия. Консультирование. Тренинг», «Психологический опыт», «Психотехнический журнал» и даже таинственное «999». Каждое из них имело свой резон: в первом — указывались основные области психологической практики, интересовавшие нас, будущих издателей; во втором — выражалось убеждение, что в этих областях только через живой опыт добывается истина и передаются знания; в третьем — фиксировалась одна из основных наших методологических установок; а «999» объяснялось и вовсе просто — рассчитывая на узкий круг специалистов, мы намеревались выпускать для начала журнал тиражом менее тысячи экземпляров, что не требовало процедуры официальной регистрации.

Имя, которое новорожденному изданию было в конце концов дано, вы уже знаете: Московский психотерапевтический журнал.

Московский. Это, по существу, отчество. Не больше, но и не меньше. Для нас оно звучит как символ гостеприимного дома. Страницы журнала открыты для авторов из любых городов и стран, представителей любых психотерапевтических школ и направлений. Только в атмосфере открытого свободного диалога могут рождаться и развиваться самобытные отечественные психотерапевтические школы.

Психотерапевтический. Психотерапия в наши дни перерастает устоявшиеся пределы. С ней происходят глубокие внутренние метаморфозы, психотерапевтическое пространство на глазах расширяется, меняет очертания, изменяя при этом и саму среду своего обитания — культуру, интерферирует со сферами, по видимости весьма от нее далекими

(например, в редакцию поступила статья о психотерапевтическом смысле игры «го»). Поэтому такие, явно не вписывающиеся в привычное значение термина «психотерапия» темы, как психологические методы разрешения социальных конфликтов, консультирование руководителей или тренинг коммуникативной компетентности учителей, вполне могут и будут освещаться в журнале.

Границы психотерапии не проведешь циркулем и линейкой. Что это: лечение болезней психологическими средствами? Психологическая помощь в приспособлении к реальности? Коррекция неадаптивного поведения? Консультирование в проблемных жизненных ситуациях? А, может, по буквальному смыслу слова¹ — *забота о душе*? Кто имеет право заниматься психотерапией: врач? психолог? педагог? Где соответствующие знания и умения могут быть получены и кем может быть удостоверено их качество? С кем проводится психотерапия: с больным? с психически больным? с личностью, страдающей от кажущихся неразрешимыми экзистенциальных проблем? с семьей, где разладились отношения? с профессионалом, не удовлетворенным продуктивностью своего труда? Каковы конечные цели и ценности психотерапии: здоровье? счастье? адаптированность? осмысленность жизни? психическое равновесие? личностный рост? пробуждение к духовной жизни? Все это вопросы, ответы на которые совсем не очевидны.

Журнал. Задача журнала — не в том, чтобы проводить какую-то одну заданную линию, а в том, чтобы создать особое коммуникативное пространство, где многие линии могут соединяться, пересекаться, расходиться, узором своих переплетений отражая динамичную картину жизни складывающегося сейчас профессионального психотерапевтического цеха. В этом и заключается смысл издания именно журнала, а не, скажем, сборника статей, объединенных одной темой, не альманаха единомышленников, не периодических

¹ Психотерапия — от греч. *Ψυχη* — душа и *εργαία* — служение, уход, попечение и пр. См., например, Греческо-русский словарь. Сост. А.Т.Вейсман. 5-е изд. СПб, 1899.

трудов, отражающих результаты исследований некоего коллектива. Журнал должен быть в резонансе с ритмом жизни профессионального сообщества.

Сообщество специалистов, занимающихся психотерапией, как раз сейчас подошло к такой фазе своего развития, когда специальный журнал стал и необходим и возможен. Возможен потому, что накопилась наконец критическая масса работающих, думающих, пишущих психотерапевтов — раствор профессиональной жизни насытился и начал уже кристаллизываться как в разного рода объединения и ассоциации, так и институциональные формы практических психотерапевтических центров, учебных структур и периодических изданий. Для нашего журнала это означает попросту то, что только сейчас его портфель может систематически наполняться серьезными оригинальными работами. Еще три-четыре года назад это было практически невозможно.

Необходим же журнал (а лучше — журналы) потому, что без него невозможно ни оперативное восполнение дефицита сведений о теориях и методах современной психотерапии (особенно остро ощущаемого в провинции), ни широкий обмен опытом между практикующими психотерапевтами, ни выработка собственного профессионального языка¹, ни настоящее вхождение в мировую психотерапевтическую культуру и самоопределение в ней, ни открытая, свободная от сектантского духа циркуляция информации о разных сторонах профессиональной жизни, начиная с сообщений о последних методических находках и кончая данными о стоимости сеансов в частной практике. Словом, невозможна полнокровная профессиональная жизнь.

Пусть читателя не удивляет появление на страницах журнала переводов работ зарубежных авторов, уже опубликованных в свое время на Западе. Ведь вхождение в мировую психотерапевтическую культуру, освоение, обживание ее многомерного пространства составляет на сегодняшний день

¹ Например, с какой мукой русский язык вынужден принимать многочисленные варваризмы психотерапевтического жаргона, типа «шерингов», «хот-ситов» и т.п.

одну из первоочередных задач отечественной психотерапии. Мы уверены, что по мере утоления долгие годы искусственно поддерживавшегося информационного голода публикация переводов на страницах журнала все в меньшей степени будет носить просветительский характер, и наши гости все в большей степени будут становиться просто участниками профессионального диалога. Тем более, что мы будем всячески поддерживать редкие пока психотерапевтические начинания, которые пытаются укорениться в животворящих слоях отечественной культурной традиции.

Понятно, что разнообразные аспекты жизни сообщества для своего выражения требуют очень разнородных публикаций: от философских и методологических текстов до объявлений и рекламы. Какой принцип организации этих материалов положен в основу структуры журнала, его рубрикации?

Границы психотерапии определить чрезвычайно трудно, но, что касается ее сердцевины, то ею, по нашему убеждению, является живой психотерапевтический опыт. Именно поэтому центральное место в журнале будет отведено материалам, описывающим конкретные случаи из психотерапевтической практики. Кроме того, из всех видов литературы по психотерапии все многообразие ее аспектов выступает в своей наибольшей цельности именно в описании «живого» психотерапевтического случая. В нем автор по законам жанра должен в той или иной мере осветить вопросы, соответствующие основным «измерениям» психотерапевтического процесса: *кто* осуществлял работу (измерение — личностные качества, стиль работы психотерапевта), *с кем* (измерение — особенности пациента) и *с чем* (проблема), *что и как* делалось (метод), *почему и зачем* (теоретические основания) и *ради чего* (аксиологические установки), *где и когда* (контекст) и, наконец, *к чему* это привело (результаты, эффективность, прогноз).

Перечисленные выше вопросы и задали темы основных разделов журнала, а рубрика, посвященная психотерапевтическому опыту — мы ее назвали «Случай из практики» — будет служить его композиционным центром. Следует отметить, что даже при соблюдении всех «канонов» в описании

психотерапевтических случаев здесь возможно весьма большое жанровое многообразие. Так, в зависимости от акцента на том или ином аспекте психотерапевтической ситуации описание может обретать черты детективного рассказа (при фокусе внимания на «почему» проблемы пациента), драмы (при фокусе на взаимодействии психотерапевта и пациента), исповеди (при акценте на «кто» психотерапевтического действия) и т.д. В заключительной части описания «Случая фрейлейн Элизабет фон Р.» З.Фрейд замечает: «Меня до сих пор удивляет, что клинические случаи, которые я описываю, читаются как новеллы, и в них, можно сказать, отсутствует серьезный дух научности. Я должен утешаться тем, что в этом, очевидно, повинна природа самого предмета, а не какие-либо мои личные пристрастия». Действительно, природа предмета такова, что научное описание, стремящееся в пределе к полной безличной объективности и смысловой однозначности, совершенно не способно ее ухватить, в то время как именно благодаря художественной образности и возможно сохранить и передать психотерапевтический опыт в его цельности и уникальности. Как нам кажется, многие материалы, помещенные в этом номере, могут служить хорошим подтверждением того, что «литературность» в описаниях психотерапевтических случаев — совсем не досадная случайность, отражающая научную несерьезность авторов, а следование особой логике предмета.

Рубрика «Случай из практики» в этом номере представлена работами двух начинающих психотерапевтов — П.В.Волкова и... З.Фрейда. И если статья первого, вдумчивая и очень искренняя, едва ли требует каких-либо специальных предисловий, то по поводу публикации «Случая фрейлейн Элизабет фон Р.» хотелось бы сделать некоторые пояснения. Подлинная история современной психотерапии, на наш взгляд, начинается с З.Фрейда. Все, что было до него, является скорее ее предысторией. Поэтому представляется символичным появление в первом номере журнала описания одного из первых психотерапевтических случаев Фрейда. Работу с фрейлейн Элизабет Фрейд начал в 1892 году, и это

был, по его словам, первый случай полного анализа истерии. Этот текст составляет одну из глав знаменитых «Очерков по истерии», с выхода в свет которых и ведется отсчет истории психоанализа. Если русскоязычному читателю хорошо известны теоретические труды Фрейда, то, как ни странно, представление о Фрейде-практике для большинства является довольно умозрительным. Русскоязычному читателю еще предстоит знакомство с классическими случаями «человека, который боялся волков», Доры, доктора Шребера и др. Отметим, что публикация текста Фрейда открывает особый подраздел рубрики «Случай из практики», который можно было бы назвать «Из опыта классиков» и который будет присутствовать в каждом номере.

Намерение закрепить центральное место в журнале за описанием конкретных психотерапевтических случаев отнюдь не означает пренебрежения к теории. Эмпиризм, чем бы он ни был вызван — узко прагматической установкой («психотерапия должна помогать, а как и почему — это вопрос второстепенный») или гносеологическим отчаянием («психотерапия так сложна, что ее невозможно научно описать и объяснить»), не может способствовать развитию психотерапии. Поэтому естественно, что значительное место будет уделено классическому для научных журналов разделу «Теория и методология». Публикуемые в первом номере статьи Ф.Е.Васильюка и А.Ф.Копьева сближают убеждение, что в области психотерапии не только теоретическое мышление должно основываться на практическом опыте, но и практика, в свою очередь, не может полагаться на одно лишь наитие или действие по прецеденту, а должна быть изнутри просветлена теоретической мыслью, более того — служить органом этой мысли.

«Мастерская» — эта рубрика посвящена операциональной стороне, аспекту «как» психотерапевтического «ремесла», т.е. методам, техникам, приемам. Она открывается статьей «Гипнотическая техника «рассеивания» для коррекции симптомов и облегчения боли» легендарного Милтона Эриксона. Сегодня

уже можно говорить о целой традиции устных и письменных преданий, рассказывающих о виртуозной работе этого американского психотерапевта, который внес неоценимый вклад в постпсихоаналитическую реабилитацию гипноза. Отнюдь не случайным совпадением является появление в одном номере журнала работы Фрейда, в которой драматургическую завязку составляют его первые попытки отказаться от использования гипноза как малоэффективного метода, и статьи Эриксона, в которой он делится секретами эффективности подхода, называемого сегодня по праву эриксоновским гипнозом. Интересно, какова была бы реакция Фрейда, если бы он узнал, что примерно в 80-е годы XX столетия гипноз вдруг обретет репутацию одного из самых престижных методов психотерапии? Пожалуй, главным виновником этого «вдруг» и является Милтон Эриксон. (Справедливости ради, отметим, что, во-первых, эриксоновский гипноз это отнюдь не прямолинейный подход Льебо и Бернгейма, отвергнутый в свое время Фрейдом, и, во-вторых, значение Эриксона для мировой психотерапии совсем не ограничивается его вкладом в развитие гипнотерапии.)

Едва ли кто будет спорить, что личность самого психотерапевта является важным, если не самым главным, инструментом его работы. Известно, что психотерапевт может эффективно пользоваться лишь такими методами, которые соответствуют его личностным особенностям. Однако личность психотерапевта не только окрашивает психотерапевтический процесс. Она в значительной мере является и фактором историческим, поскольку существенным образом сказывается на формировании тех или иных методов, создании психотерапевтических школ и направлений. Сопоставляя, например, психоанализ, психодраму и клиентоцентрированную терапию с личностными особенностями их создателей, трудно не заметить, что принцип «психоаналитического избегания контакта» несет на себе печать фрейдовской интровертированности, в то время как принципы спонтанности и «воспроизведения в действии» отражают, наоборот, экстравертно-деятельный характер Дж.Морено, а

метод эмпатического слушания — скромность и сензитивность К.Роджерса. Поэтому совсем не праздным представляется интерес к биографиям, жизненным перипетиям, судьбам создателей психотерапевтических школ. Этому аспекту «кто» психотерапии посвящена рубрика «Портреты», в которой будут публиковаться воспоминания о выдающихся психотерапевтах, дневники, письма, интервью, автобиографические материалы и пр. В первом номере эту рубрику открывает небольшой отрывок из автобиографической книги основателя гештальттерапии Ф.Перлза, написанной в форме «свободных ассоциаций», а точнее, «потока сознания», где личные воспоминания автора переплетаются с рассуждениями о психотерапии, философскими размышлениями о жизни и даже стихами.

Психотерапия вовсе не однонаправленное воздействие одного человека на другого, а взаимодействие, диалог, как минимум, двоих. Поэтому пациент является полноправным партнером психотерапевта, а порой и, более того, соавтором психотерапевтического метода. Достаточно вспомнить фрейлейн Анну О. Доктора Брейера. Разве она не является соавтором метода, столь точно определенного ею как «talking cure»? Однако в психотерапии незримым образом всегда присутствует еще один значимый персонаж — *Zeitgeist* — дух времени, культурно-исторический контекст, который является не просто пассивным фоном или даже молчаливым свидетелем, а активным соучастником психотерапевтического процесса. Это измерение «где и когда» психотерапии представлено в рубрике «Архив» докладом одного из пионеров отечественной психотерапии С.И.Консторума «Катамнез одного случая шизофрении», прочитанным в 1947 году на конференции клиники Т.А.Гейера. В докладе привлекают внимание не только действия терапевта в нетривиальной ситуации, не только клинические подробности интересного случая, но прежде всего то, как детали описания ярко и объемно воссоздают атмосферу времени, как клинический случай становится документом эпохи.

Есть дух времени, но есть и дух места. В отличие от западной психотерапии, уже вошедшей в культуру в качестве неотъемлемой части, психотерапии в нашей стране еще предстоит найти свое место в культуре, определить, где она незаменима, а где незаконно переходит границы своего предназначения. Такого рода предел психотерапии, дойдя до которого, она парадоксальным образом перестает быть собой и в то же время начинает буквально соответствовать своему имени («забота о душе»), представлен в рубрике «Духовный опыт» публикацией, посвященной тому, что можно назвать «онтологической психотерапией». Если обычная психотерапия направлена на достижение позитивных изменений личности в рамках существующих психологических закономерностей или на достижение максимально возможной реализации всего внутреннего потенциала личности, то аскетика как «онтологическая психотерапия» дерзает устремиться за пределы естественных закономерностей, за пределы человечески возможного, к преображению самой человеческой природы. Мыслимо ли это и как это мыслимо — читатель узнает из публикуемой главы «Сердце и ум» из готовящейся к изданию книги «Диптих безмолвия» С.С.Хоружего — известного математика и физика-теоретика, переводчика и исследователя творчества Дж.Джойса, философа и богослова.

Религиозная тематика в первом номере журнала — не случайность и не дань моде. «Психотерапия и духовная жизнь» — одна из самых насущных и горячо обсуждаемых сейчас в психотерапевтическом сообществе тем. Это доказывает, например, страстность дискуссии по этой проблеме на недавно прошедшем заседании секции христианской антропологии Ассоциации гуманистической психологии. Впечатлениями о нем делится О.В.Филипповская в рубрике «Мнения, позиции, дискуссии». Суждения, прозвучавшие за «круглым столом» кому-то покажутся убедительными, а кому-то спорными и неприятными, вызовут желание возразить, высказать свою позицию. Мы приглашаем читателей продолжить обсуждение тем, затронутых в этой публикации.

Редакционная коллегия